

Центр противопожарной пропаганды и общественных связей
ФГКУ «1 отряд Федеральной противопожарной службы
по Удмуртской Республике»

«Опалённые войной»

Воспоминания ветеранов
Великой Отечественной войны

(Посвящена 70-летию со Дня Победы)

г. Ижевск, 2015

Пережившие войну вспоминать её без огромного волнения не могут до сих пор, и не важно сражались ли они на фронте, трудились в тылу – тяжело было везде

«...15 марта сорок третьего пришлось мне школу бросить и пойти работать верховым в колхоз, надо было братьев поднимать. Приходилось делать всё: пахать, сеять, жать, молотить, лесозаготовками заниматься»...

У Бориса Васильевича Сорокина (Борис Васильевич родился в семье служащего Сорокина Василия Семёновича и домохозяйки Тихоновой Евдокии Ивановны 16 октября 1931 года в с. Новогорское Граховского района) во время нашего разговора невольно наворачивались слёзы. Голодные военные годы накрепко запечатлены в его памяти.

- О войне, – вспоминает Борис Васильевич, – узнали мы только на второй день, на церковной площади собралось всё село, зачитывали речь Молотова, и сразу 80 человек отправили на фронт. А вернулись после войны всего шесть, те, кто в плену был. Отца забрали связистом в сорок втором, и он очень скоро погиб в г. Коми-Подольский Подольской области, уже в сорок третьем пришла похоронка. А нас у мамы трое было. Я старший, Викторину 5 лет, а Евгений – совсем малыш, как раз в 1943 году родился.

Так что 15 марта сорок третьего пришлось мне школу бросить и пойти работать верховым в колхоз, надо было братьев поднимать. Приходилось делать всё: пахать, сеять, жать, молотить, лесозаготовками заниматься. Сеяли много: рожь, ячмень, пшеницу, овёс, коноплю, лён. Жали вручную, серпами. Лён теребили, колотили, расстилали по лугам. Каждый двор по 2 воза должен был обработать, сдать чистый. В пекарне сушили лук, картошку для отправки на фронт.

Пахоту как сейчас помню. Спали-то мы на конном дворе, на сене. В 2 ночи нас будили, в 3 выезжали, до 11 пахали, с 11 до 4 отдыхали, а с 4 до 11 вечера снова работали. И так до бесконечности. От усталости иногда на ходу

засыпали, хорошо, лошади умные были, как почувствуют, что пахарь уснул, тут же останавливались. Как лес заготовливали, не забуду. Пилили ручной пилой деревья, летом спиленное возили, а зимой на ледянках до Валы дотягивали, чтобы потом на Вятку сплавить. Кормить, правда, нас хорошо на работе старались. До войны в колхозе скотины много было, поэтому и мясо бывало, а на ужин молоко с мёдом давали с колхозных пасек. А вот дома голодно было. Нас в семье четверо, да ещё на постое с Украины беженцы, две женщины с пацанятами.

Года три спасали своя корова, куры и 6 мешков зерна, что отец, трудясь председателем колхоза перед отправкой на фронт, заработал. Мы понемногу зерно на муку мололи, делали из неё болтушку или завариху. Самовар на столе кипит, в миске мука пшеничная или гороховая лежит. Вот муку кипятком заливали, размешивали, вот и нехитрая еда. После войны стали масло добавлять. Из перемёрзшей картошки кисель варили, ходили в поле перезимовавшие колоски пшеницы собирать. Весной, летом липовые листья, лебеда спасали. Пока, бывало, в Мари-Гондырево на мельницу 6 км пешком идёшь, липовые листочки по пути ешь, сладкие.

Председатель у нас хороший был – Василий Егорович Пантюхин. Как-то раз буквально от голодной смерти спас. В 1946 году неурожай выдался, а надо было страну восстанавливать, всё, что собирали, на Украину посылали. Даже в войну за трудодни иногда муку или зерно давали, а тут... Нам есть совсем нечего было, Василий Егорович и разрешил из собранного колхозом зерна, что я на мельницу отвозил, килограмма 3-4 крупы сделать и взять. Тем и спаслись...

С детства Борис увлекался техникой, поэтому стал отличным водителем. Закончив за свой счёт можгинскую школу механизации, отслужив водителем в армии (служил в Одессе, возил подполковника Зборовского, обеспечивавшего связью маршала Жукова), работал в Можге, в том числе водителем пожарного автомобиля в районной пожарной части.

Сладкий чай

Ветеран ПЧ-22, диспетчер Антонина Аркадьевна Сентябова помнит, как над деревней постоянно летали на ремонтную базу в Свердловск и обратно на фронт по 40-50 самолётов, как побирались по деревням нищие, как в 4 утра уходила на работу мама, и всё хозяйство оставалось на детских плечиках...

Антонина Аркадьевна Сентябова (в девичестве Россомахина) родилась 15 марта 1937 года в д. Старое Санниково Можгинского района. Родители: Россомахины Аркадий Николаевич и Елизавета Митрофановна. Младшие братья: Виктор и Николай. Как началась война, маленькая Тонечка не запомнила, да и неудивительно – девчужке на тот момент было всего четыре года. А вот как прощались с дедушкой по маминой линии, Василием Яковлевичем Денисовым, помнит отлично, потому что уважаемого директора начальной 4-классной школы провожать пришла вся деревня. Прошёл бравый офицер не одну войну, а к началу Великой Отечественной исполнилось Василию Яковлевичу 53 года, но «сидеть» дома он просто не смог, ушёл в сорок первом на фронт, а уже в сорок втором семья получила похоронку. Погиб любимый односельчанин учитель под Сталинградом в с. Бобров

Отец Антонины Аркадьевны, слава Богу, с фронта возвратился. Как и дед, он был призван в сорок первом, воевал, был серьёзно контужен, ранен, полгода пролежал в госпитале, а в сорок третьем глухой и практически слепой был комиссован и вернулся домой. О войне Антонина Аркадьевна говорит неохотно. Помнит, как над деревней постоянно летали на ремонтную базу в Свердловск и обратно на фронт по 40-50 самолётов, как побирались по деревням нищие, как в 4 утра уходила на работу мама, и всё хозяйство оставалось на детских плечиках. Вдвоём с братишкой Витей нужно было прибраться в избе, выпастить овец и коз, накормить куриц, нарвать травы, прополоть и полить огород, вынуть из печи хлеб, принести на себе из лесу дрова. Досыта не наедались никогда: приходилось собирать лебеду, мороженую картошку (а чтобы её вырастить, женщины впрягались в плуг, распахивая поле, созревший картофель копали вручную). В сорок шестом родился ещё один братишка, Николаша, прокормиться стало ещё труднее, тем более что отец сильно болел, когда мог, подрабатывал сторожем или латал обувь (соседские валенки так и пестрели заплатами). Так что семью приходилось тащить маме и Тоне (школу пришлось бросить, потому что платить за учёбу было нечем). Жили очень бедно. Мама перелицовывала свои вещи. На год Тоне полагалось 1 платье, братьям по рубашке, на ноги плели лапти, спали на соломе. Но особенно несправедливыми казались девочке выплаты за трудодни.

Горожанам, привлекавшимся к сельхозработам, выплачивали с каждого гектара по 6 пудов (98,2 кг) зерна или муки, а колхозникам всего 2 кг. Правда иногда радость приходила и в их дом – за льняные трудодни в год полагалось 8 кг сахара, так что чай пили сладкий.

Особенно тяжело жилось в послевоенные годы, из деревни «выметали» почти всё подчистую, легче стало только после 1953 года, когда уменьшили налоги, когда, не смотря ни на что, Антонина выучилась на счетовода, встала на ноги.

Страшно, когда свои стреляют по своим...

На вопрос «что было самым страшным на войне?» Фома Лукоянович отвечает: «Страшно, когда в результате ошибок, ложной информации, свои стреляют по своим».

Логинову Фоме Лукояновичу, ветерану Можгинской пожарной части, в октябре 2015 года исполнится 89 лет. Жизнь прожита немалая, интересная, но лёгкой её никак не назовёшь. Родился он в д. Камышлы Большеучинского (ныне Можгинского) района.

В силу обстоятельств мама, Иванова Зиновия Ивановна, воспитывала сына одна. Рос Фома любознательным, непоседливым и трудолюбивым. Когда началась война, юноше было всего 14. Вместе с друзьями находился в ночном, пас лошадей, и вдруг увидел мчавшегося во весь опор на белом жеребце Герое бригадира, который кричал: «Война, война!» Всю молодежь призывного возраста (примерно 80 человек) верхом на лошадях тут же отправили в Большую Учу, а оттуда на фронт. Фому призвали в сорок третьем, на Дальний Восток в с. Борисовка, что находилась близ г. Ворошилов-Уссурийский, в 259-ю танковую бригаду, специальный мотострелково-пулеметный батальон. Обстановка на Дальнем Востоке, несмотря на пакт о нейтралитете с Японией, была очень беспокойной. Только в 1944 году японцы 144 раза нарушали государственную границу СССР и 39 раз обстреливали советскую территорию, так что в течение 1941-1945гг. на русско-японской границе было сосредоточено до 40 наших дивизий. Поняв, что союзническим войскам самостоятельно с японским милитаризмом не справиться, по истечении срока действия пакта Советский Союз принимает решение об объявлении войны Японии.

Подготовку вместе Фома Лукоянович со 150-ю земляками прошел основательную: умел пользоваться практически всеми видами стрелкового оружия, мелкокалиберной пушки, кидать гранаты, отлично водил машину, довелось побыть даже санитаром.

Бок о бок с Фомой сражались Леонид Соковиков, Леонтий Кузьмин, Михаил Курбатов, Александр Вешняков, Николаи Копылов и Щербаков, братья Чипеевы...

На вопрос «что было самым страшным на войне?» Фома Лукоянович отвечает: «Страшно, когда в результате ошибок, ложной информации свои стреляют по своим. Помню, наступали на Гириин, и нам на подмогу через какую-то речушку везли солярку, а мы думали, что японцы и открыли по ним огонь. В другой раз над нами кружили самолёты без опознавательных знаков, зенитчикам отдали приказ огня не открывать, а по нам открыли огонь. Но особенно страшно было, когда американцы сбросили атомные бомбы. Качалось всё: земля, горы, небо – и мы не понимали, что случилось...» Закончилась война с Японией для Фомы Лукояновича в корейском городе Сейсине (Чхонджине).. За образцовое выполнение заданий в боях против японских войск на Дальнем Востоке при форсировании р. Уссури, прорыве Хутоуского, Мишаньского, Пограничненского и Дуннинского укрепленных районов, овладении городами Мишань, Гириин, Яньцзи, Харбин и проявленные при этом мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19.09.1945г. 259-я танковая бригада награждена орденом Красного Знамени. Логинов награжден орденом Отечественной войны II степени.

«Война научила нас работать так, что и сейчас без дела сидеть не можем»...

на фото: справа – Нина

«Война научила нас работать так, что и сейчас без дела сидеть не можем», – неспешно начинает со мной беседу Нина Петровна Сейдометова, в девичестве Шуткина, всю жизнь проработавшая радиотелефонисткой в пожарной части.

- А помните ли, как началась война, сколько лет Вам тогда было?

- Как не помнить, – рассказывает Нина Петровна.

- Мне было восемь, как раз в первый класс осенью должна была пойти, сестрёнке моей Галочке – девять. Жили мы с папой Петром Ивановичем, мамой Марфой Андреевной и бабушкой в селе Ключёвка Алнашского района.

на фото: слева-Нина

Радио-то в селе не было, поэтому о войне узнали на второй день, когда приехали из Азаматова представители районного сельсовета и вместе с почтой привезли повестки.

на фото: в середине-папа, справа -мама

Шестьдесят четыре двора в деревне было, в каждом – отцы, деды, братья. Ушли на фронт почти все мужчины (папу моего воевать не взяли, он болел туберкулёзом, простудился перед самой войной на лесозаготовках и умер в декабре 1941), а вернулись после войны шесть-семь, да и те калеки.

- Трудно пришлось в селе без мужчин?

- А как не трудно? Хоть в деревне к работе люди приучены сызмальства, женщинам и подросткам пришлось выполнять всю мужскую работу – пахать, сеять, нормы выполнять, какие уж не помню (для справки: за годы войны колхозным крестьянством Удмуртии было поставлено государству 911308 тонн хлеба, что равняется довоенным поставкам за 7 лет).

Мама моя бригадиром стала. Раз, помню, домой пришла, плачет взахлёб, бабушка кинулась расспрашивать, что случилось. Оказалось, 13-летнего мальчишку отругала. Как раз пахотой занимались, а пахали на быках (лошадей здоровых на войну забрали, остались клячи старые, да и тех мало).

на фото: слева- мама Нины

Так вот устал, видимо, бык, улёгся на бок и никак не встаёт, парнишка и лаской его, и хворостиной поднять пытается, бык ни в какую не слушается. И, видно, от отчаянья заскочил мальчишка быку на пузо и давай прыгать (поле большое, вспахать хочешь - не хочешь нужно). Вот и пришлось маме проявить строгость, накричать на пахаря, а дома выплакалась, пожалела ребёнка.

Малышне (2 бригады нас девчоночьих было по 10-12 человек) пришлось женскую работу на себя взять – жать, веять, молотить, картошку сажать и копать, полоть. Особенно прополка и жатва запомнились. Как только жито подрастало, нас полоть отправляли, чтобы его не помять, не потоптать (ручонки-ножонки у нас маленькие). Жать ходили со взрослыми. Мы с бабушкой. Бывало, устанешь, нить начинаешь: «Бабушка, спина устала». А бабушка посмотрит и скажет: «Не выросла, не наработала ещё, чтобы устать, давайте-ка, девчонки, ещё по пять снопиков поставим». Только если видела, что мы уже совсем не можем, отдыхали. А жали серпами. Порежешься, никаких тебе больничных, хоть полпальца себе отхвати, перевяжет бабушка палец чистой тряпицей (бинтов не было), и дальше жнешь. А уж молотили зимой. И ведь справлялись. Колхоз наш, «Решительный», в передовиках и до войны, и в войну ходил. Первыми и пахоту, посевную и уборку оканчивали. А сеяли пшеницу, рожь, горох, лён, коноплю. Председатель у нас очень хороший был – Василий Мусихин, с трубкой

своей никогда не расставался, так и приклеилось к нему прозвище «Вася-трубка». Корреспонденты даже думали, что это фамилия у него такая. Так вот малышей Вася-трубка жалел, берёг. В школу нашу четырёхклассную кроме местной ребятни из окрестных деревень Башкировки и Мочаловки ещё учиться ходили, кормили горячим завтраком. Продукты выделяли и кошеварили деревни по очереди. Так наш председатель всё подкормить получше пытался, мясной суп варили, когда Ключёвка дежурила.

- Голодали в войну? Друг другу помогали?

- Не так в войну, как после неё, особенно в сорок пятом - сорок седьмом годах. Тогда на восстановление страны выметалось из деревни практически всё подчистую, даже анекдот в народе сочинили: «Профессор мединститута принимает экзамен. Ставит перед студентом два скелета, мужской и женский, и просит определить. А студент говорит, что скелеты колхозников. На вопрос профессора «почему?», отвечает: «Конечно, колхозник: шерсть сдал, кожу сдал, мясо сдал, яйца сдал». Действительно, сдавали и шерсть, и мясо, и яйца, и молоко. Например, за лето от коровы нужно было 300 литров сдать. А потом ещё и на плодовые деревья налог ввели. Вот такая горькая правда. Выживали тем, что в хлеб картошку мороженую, картофельные очистки и лебеду добавляли. Лебеду тогда тоже жали, обмолачивали и во второй половине зимы колхозникам выдавали.

Галочка в первый год войны бабушке говорит: «Надоел уж хлеб с картошкой, вот бы с лебедой быстрее попробовать». А попробовала, больше уж не капризничала. И помогали друг другу, не только односельчанам, у нас ведь ещё и много эвакуированных много было из Московской области, Белоруссии. Вот Валю помню из Белоруссии, ей лет пятнадцать было, пугливая, озиралась всё по сторонам, видно, никак от перенесённого оправиться не могла. Когда фашисты пришли, мать в любую погоду в сарае в сенной трухе и соломе её прятала. От этого и заболела туберкулёзом, сгорела девчоночка, как свечечка. Но Вы знаете, как-то мы не унывали: и учиться успевали с 9 до 4, и работать, и ещё посылки бойцам в армию собирать. Найдешь лоскуток какой покрасивее, вышьешь на нём «Боец, береги себя! Мы тебя ждём!», варежки свяжешь из овечьей шерсти (себе такие не вязали, с льняной нитью делали, потому что шерсти не хватало), глядишь, посылка готова. Война научила нас работать так, что и сейчас без дела наше поколение сидеть не может, – ещё раз задумчиво произносит Нина Петровна, прощаясь...

*Ирина Верижникова, методист ЦПП и ОС
ФГКУ «1 отряд ФПС по Удмуртской Республике»*

«Скрипачи» над головами

Ветерану Великой Отечественной войны,
Лукьяну Туктаревичу Туктареву, уроженцу деревни

Лолошур-Возжи Граховского района, в ноябре 2015 года исполнится 91 год. В составе 162 истребительного противотанкового полка он прошёл победный путь от станции Шуя Ивановской области до Берлина. И хотя шалит здоровье, подводит слух память о военном лихолетье навсегда осталась в душе Лукьяна Туктаревича, поделиться своими воспоминаниями готов всегда. На фронт он ушёл, не дотянув и до восемнадцати, мечтал стать артиллеристом: в совершенстве изучил устройство «Катюш», прекрасно разбирался и в другой боевой технике, но «Катюши» в полк никак не поступали, а вот в разведку добровольцев набирали. И Лукьян, не раздумывая, стал разведчиком. Как говорит он сам, такое решение спасло ему жизнь: дважды артиллерийское боевое подразделение, где он должен был служить, уничтожалось практически полностью, последний раз отправлялось на переформирование на Украине. На вопрос «что было самым страшным на войне?», чуть помедлив, отвечает: «Отступать... Наступать не страшно было, а вот отступать... А ещё, когда велась перед наступлением артподготовка, не важно, с какой стороны, потому что везде рвались мины, падали в окоп осколки, да так, что и головы не поднять. Страшно терять боевых товарищей.

Нас друзей-разведчиков семь человек было, командиром отделения – Григорьев, так в живых из семи всего двое осталось, кого сразу убило, кто от тяжелых ранений умер». Самого Лукьяна Туктаревича чуть не убило под Белой Церковью, когда в сторону наблюдательного пункта, где он находился, фашисты выпустили 3 снаряда, метко прозванные нашими солдатами «скрипачами», потому что летели снаряды с визгом плохо настроенной скрипки...

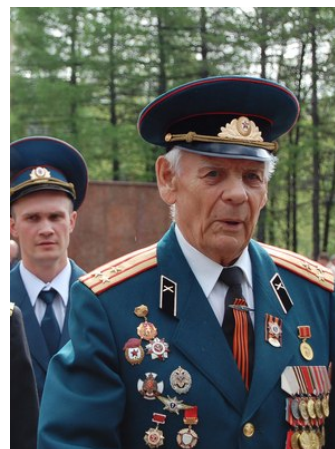
Живёт ветеран вдвоём с дочерью, в небольшом деревянном домике в родной деревне. Их, как и всех сельчан, периодически посещают пожарные, чтобы обследовать противопожарное состояние жилья, оказать посильную помощь.

В минувшую пятницу Лукьяна Туктаревича навестили сотрудники Главного управления МЧС России по Удмуртской Республике, чтобы установить в его доме автономный пожарный извещатель и подарить огнетушитель. Очень хочется, чтобы ветераны жили безопасно, долго и счастливо, чтобы грозная доблесть их сохранилась в сердцах живых навечно, а политические коллизии не смогли изменить исторической памяти будущих поколений.

*Ирина Верижникова, методист ЦПП и ОС
ФГКУ «1 отряд ФПС по Удмуртской Республике»*

Сражаться и выжить!

*Ветеран Великой Отечественной войны Юрий Иванович Сермягин:
«Самым большим лакомством на войне был чёрный сухарь, до сих пор ничего вкуснее не ел...»*

70 лет со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне... Казалось бы, прошло уже столько лет! Однако забыть страшные дни, пропитанные потом и кровью, российский народ уже не сможет никогда! Наши отцы, деды, прадеды, все кто сражался и умирал в те годы ради спасения нашей Родины, навсегда останутся в нашей памяти ГЕРОЯМИ! Ведь Великая Победа 1945-го была бы немыслима без героизма народа – чье мужество и храбрость не имели границ на фронте, в партизанском отряде, в тылу!

Один из таких героев – полковник в отставке Юрий Иванович Сермягин. Свой боевой путь он начинал красноармейцем полковой школы в звании младшего сержанта, в ноябре 1942 года. Восемнадцатилетний юноша, командир орудия 374-го

зенитно-артиллерийского полка мужественно отражал яростные атаки противника.

- Отец мой до войны еще трагически погиб. Иван Михайлович Сермягин был членом РСДРП(б) с 1916 года. В то время Сталин всех поклонников, последователей, идеологов Ленинских идей репрессировал, – вспоминает Юрий Иванович. – В общем, долго мне еще и даже в послевоенные годы спокойно «жить» не давали из-за этого... Когда началась война, я обучался в железнодорожном техникуме. До сих пор не забуду, как под бомбёжками восстанавливали разрушенные железнодорожные пути – меняли шпалы, рельсы, заменяли стрелочные крестовины. Работали по 18 часов...

В 1942 году Юрия Ивановича призвали в армию, где стали готовить как командира орудия на зенитные бронепоезда.

- Как-то ночью нас подняли по тревоге, всех построили. После чего офицеры шли вдоль строя и пальцем показывали: «Выйти, выйти, выйти». В числе выбранных оказался и я.

Они, оказывается, подбирали рослых, высоких молодых людей. Так из нас был сформирован полк РГК (резервы главного командования), так называемый «стопушечный» полк. И я попал в этот

полк командиром второго орудия первой батареи первого дивизиона. Вот так я, можно сказать чудом, не попал на бронепоезда. Все остальные наши на бронепоездах погибли...

Эшелон с собранным полком отправился в путь. По пути солдат стали «отрывать», сначала 5-й дивизион под Воронеж (на Воронежский фронт). На траверзе Сталинграда (как раз был самый разгар Сталинградской битвы) – 4-й, 3-й и 2-й дивизионы... И тут, как признается Юрий Иванович, ему вновь сопутствовала удача, которая то и дело водила его вдоль линии смерти, но не бросала в самое пекло войны.

- Наш 1-й дивизион доехал до Актюбинска. Мы простояли там трое суток, ничего не зная. Затем отправились на станцию Доссор, в Казахстан, а оттуда пешим порядком на нефтепромыслы Эмбинской нефти, на самый северный Искининский промысел. Немцы страшно бомбили Баку, но, получив отпор целой армии ПВО, перенесли свои усилия: через Каспий начали бомбить Эмбинскую нефть. Вот нам и поставили задачу – защищать промысел. Приехали мы туда в конце декабря и пробыли до весны. В марте их снова погрузили в поезд и повезли на север. К тому времени закончилась Сталинградская битва.

- Мы доехали до траверза Лисок (населённый пункт Лиски), выгрузились, ночью переправились через Волгу и пошли в сторону нового степного фронта. Вошли в его состав и направились на

Валуйки – это большой железнодорожный узел. Как раз готовилась Курская битва. Наша батарея встала на небольшой возвышенности за Валуиками, а ниже протекала река – Северный Донец. Так как была весна, река разлилась, и мы оказались как будто на острове, а боеприпасы кончились. Немцы летали в небе беспрестанно – бомбили, бомбили, а нам стрелять нечем...

Доставить на «остров» оружие для полка Сермягина машинами было невозможно. Тогда приняли решение идти через разлив за боеприпасами пешком. Каждый брал по 2 снаряда на плечи, весом по 16 кг каждый. И так пока не доставили все снаряды.

- «Шли ожесточённые бои, нас сильно бомбили... Как-то раз внезапно с тыла налетели 3 самолёта, которые вели огонь по железнодорожному узлу. Тогда я сбил свой первый самолёт. Из-за того, что я не успел доложить о надвигающейся воздушной атаке, меня хотели отправить под трибунал. Но за меня вступились командир дивизиона, командир батареи, командир полка. В итоге, за сбитый самолёт представили к награде», – улыбаясь вспоминает Сермягин.

Два года (!), пока шла Курской битва, Юрий Иванович со своими боевыми товарищами спали прямо на ящиках со снарядами, укрываясь шинелью...

- «За 2 года я спал под крышей всего 4 раза. Но спать ночью приходилось нечасто, так как мы были

зенитчиками, отражали постоянные налёты, спать ложились только под утро. Ели 1-2 раза в день. Старшина в термосах привозил еду, всю остывшую... А то и вообще без ничего оставались... Самым большим лакомством (иногда привозили) был чёрный сухарь, до сих пор ничего вкуснее не ел!»

Своим самым тяжёлым боем Юрий Иванович считает бой недалеко от Белгорода, в Острогоржске, летом 1943 года.

- «Наши орудия двигались за фронтом (так как зенитчики всегда отражали бомбёжки). Моё, первое орудие, двигалось слева, второе орудие – справа, две другие батареи шли по Меловым горам. И вдруг сквозь пехоту прорвался танк и как раз вышел на железную дорогу прямо на меня... Пришлось в него «влепить» 2 подкалиберных... В итоге сожгли этот танк! Слава Богу, потерь на моём орудии не было! Сам, к счастью, тоже жив остался. Ранило и контузило меня позже, после взятия Харькова (после контузии до сих пор не видит правый глаз)».

Победу Юрий Иванович встретил в г. Горьком в звании младшего лейтенанта и должности командира взвода. Там же встретил свою жену. Остался служить, служба «мотала» Юрия Ивановича по всей стране, в итоге после Заполярья по замене был направлен в Удмуртию – город Ижевск. После увольнения с военной службы полковник в запасе Юрий Иванович Сермягин 13 лет занимался воспитанием подрастающего поколения в Индустриальном техникуме – учил на уроках НВП юношей и девушек

военным премудростям. В 60 лет попал в систему Гражданской обороны. Стал помощником начальника штаба по делам ГО и ЧС г. Ижевска, где проработал 12 лет. В 2014 году Юрию Ивановичу исполнился 91 год! Несмотря на возраст, он по-прежнему бодр и весел.

Награжден многочисленными государственными наградами, среди которых орден Отечественной войны II степени, медаль «За боевые заслуги», «За Победу над Германией», «За победу над Японией» и другими фронтовыми наградами.

*Александр Перевозчиков
пожарный ПЧ-19*

ФГКУ «1 отряд ФПС по Удмуртской Республике»

Карельский фронт

322 гвардейский парашютно-десантный полк

Я помню, я горжусь – мой дед Кочилков Николай Яковлевич родился в 1925 году, в селе Ильмино Пензенской области. В 18 лет в 1943 году был призван в ряды Красной Армии и направлен в учебную дивизию парашютно - десантных войск в Москву. По окончании обучения направлен на Ка-

рельский фронт в 322 гвардейский парашютно-десантный полк. По рассказам моего деда, Карельский фронт имел самую большую протяжённость среди всех фронтов — до 1600 км в 1943 г. На Параде Победы сводный полк Карельского фронта шёл первым. С тех пор традиционно на парадах 9 мая знамя Карельского фронта несут первым среди знамён фронтов. Единственный фронт, на одном из участков которого (в районе Мурманска) немецкие войска не смогли нарушить государственную границу СССР.

В августе-сентябре 1941 года войска фронта остановили врага, предпринимавшего попытки завладения Заполярьем, и вынудили его перейти к обороне. С сентября 1941 года по июнь 1944 года войска фронта держали оборону по линии: река Западная Лица (60 километров от Мурманска), Ухта, Повенец, Онежское озеро, река Свирь. Периодически проводились частные операции (Медвежьегорская наступительная операция).

Во второй половине 1944 года войска фронта при поддержке Ладужской и Онежской военных флотилий провели Свирско-Петрозаводскую операцию, а при поддержке Северного флота — Петсамо - Киркенесскую операцию.

15 ноября 1944 года, после выхода Финляндии из Второй мировой войны, фронт был расформирован. Основа командующего состава в апреле 1945 года была переправлена на Дальний Восток, где на её базе сформирован 1-ый Дальне -

восточный фронт (изначально Полевое управление Приморской группы войск).

Немало боевых задач было выполнено, немало боевых прыжков с парашютом произведено, но чаще дед вспоминал 10 июля 1944 года – день, когда войска Корельского фронта овладели городом Питкяранта. В результате ожесточенных боев мой дед, командир отделения, гвардии рядовой Кочилков Николай Яковлевич получил «слепое» осколочное ранение лопаточной области мягких тканей и направлен в госпиталь. Согласно справке о ранении был выписан из госпиталя 12 сентября 1944 года, после чего вернулся в свой полк. В составе 322 парашютно-десантного полка продолжил освобождение городов нашей Родины от немецких захватчиков.

За заслуги перед отечеством был удостоен: Знаком отличия ВОВ Карельского фронта, медалью «За боевые заслуги», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» и еще множеством наград за победу над фашистской Германией.

Война для деда закончилась в Австрии, там и остался проходить службу до 1948 года. Приказом Совета Министров СССР от 14.10.1948 г демобилизован, вернулся в родные края. . .

Дед часто вспоминал о войне и часто повторял слова, что «на войне мы все равны, есть задача, ее надо выполнить любой ценой!»

Именно благодаря таким людям, как наши деды и прадеды, мы живем в светлом настоящем и за это бесконечно им благодарны!!!

*старший сержант внутренней службы Михаил Московских
командир отделения ПЧ-13
ФГКУ «1 отряд ФПС по Удмуртской Республике»*

Я горжусь своим дедом!

Мой дедушка, Феденев Ефим Максимович, родился в 1905 году в селе Кельчино Воткинского района, в крестьянской семье. До войны дед работал в селе заведующим пекарней. Великая Отечественная война началась для моего деда в 1942 году, жена осталась с шестью малолетними детьми.

Старшему из них было 10 лет, а младшему не было и года. У моей тети сохранились письма, которые дед писал своей жене, моей бабушке. Из них я узнал, что он служил связистом. Связистам приходилось действовать на самых опасных рубежах. Среди первых они высаживались при захвате плацдармов, вместе с разведчиками ходили за линию фронта, под огнем врага пробирались от траншеи к траншее, прокладывая связь.

Дед писал, что они по несколько дней лежали в снегу, шли под дождем. Рассказывал, как при осво -

бождении одной деревни, они обнаружили полный колодец с убитыми детьми. И, глядя на это зверство, солдаты, не стесняясь, плакали, вспоминая своих родных. В душе солдат вспыхивали ярость и злость на нелюдей, которые это совершили. Эта злость помогала им выжить, бороться и верить в победу.

Мой дед дошел до Берлина, а при взятии города был тяжело ранен. Долгое время лежал в госпитале. Наконец долгожданная Победа! За время войны мой дед был награжден многими медалями и орденами: орденом «Красной Звезды», медалью «За оборону Сталинграда», медалью «За оборону Севастополя», медалью «За отвагу», медалью «За взятие Берлина» и другими!

После войны дед работал в той же пекарне, а потом в лесничестве, изготавливал сани для лошадиной упряжи. Они с бабушкой воспитали девятерых детей, которые стали достойными людьми. Умер дед в 1974 году, когда мне исполнился один год, очень жаль, что я не слышал его рассказов.

В канун праздника Дня Победы мы ходим с мамой на кладбище, ухаживаем за могилами бабушки и дедушки, возлагаем цветы.

Я горжусь своим дедом, и буду помнить подвиг нашего народа!

*капитан внутренней службы Валерий Ажимов
начальник караула ПЧ-19
ФГКУ «1 отряд ФПС по Удмуртской Республике»*